

– Немский районный суд слушает дело по иску Сергеевой Тамары Петровны к Сергееву Ивану Матвеевичу об ограничении дееспособности и установлении попечительства.

Судья выпустила лакированный молоточек из пухлой властной руки, и мне бросились в глаза её промасленные, потемневшие до цвета мантии подушечки пальцев.

Говорят, в нынешнем августе как никогда прежде пошли маслята. Значит, и она петляла в эти выходные между сосняками и молодыми ельниками, внимательно вглядывалась в запорошенные сухой хвоей суглинки. Значит, и её так же, как меня, одолевали комары и мордохлыст. Может быть, мы даже пересекались с ней на какой-то из местных опушек, я запросто мог не обратить внимания на эту женщину среднего возраста, средней комплекции, со среднестатистической для посёлка Немский женской причёской – эдакой аккуратной лыжной шапочкой из волос. Вчера, в сапогах и дождевиках, мы с ней были равны на бескрайних вятских увалах. Сегодня же, в коротком разговоре до заседания, она тонко дала мне понять, что я, заезжий городской помощник прокурора, для неё скорее неопытный мальчишка с идеалистическим представлением о мире, вчерашний студент, нежели достойный союзник в деле правосудия. Она хозяйкой возвышается на пьедестале душного зала в три наглухо зашторенных окна с низким потолком, а я по её левую руку сгорбился за неудобным столом – сбоку припёка.

– Истица, Тамара Петровна, пожалуйста, вам слово.

Со скамьи в первом ряду поднялась грузная женщина. Наверное, в бумаги закралась опечатка, потому что на вид ей было уже далеко за пятьдесят. Она нервно затеребила платок такими же, как у судьи, тёмными пальцами. Пару минут женщина переступала с ноги на ногу, силясь начать. Смущаться ей было чего – на скамейках за её спиной, плотно друг к другу, сидели три десятка зрителей, не скрывающих своего любопытства.

– Я там в заявлении всё подробно написала, товарищ судья. Мужу моему, Ивану Матвеевичу Сергееву, с два года как вожжа под хвост попала. Ровно леший его какой на старости лет укусил. Справил паспорт заграничный и повадился в самый сезон по ненашенским фестивалям

разъезжать. То, что он фестивалит, – ещё полбеды, денег в семью не несёт. Думала, подуркует год, перебесится, одумается. Как же, одумался... Упрямого, видно, только дубина исправит. Этим юнем опять укатил. Двое детей дома, а ему трын-трава по пояс. Хочу, чтобы евонную зарплату мне на руки выдавали.

– Ответчик, Иван Матвеич, что скажете?

С другого края скамьи встал жилистый загорелый мужчина. Выглядел он гораздо моложе жены и был, в отличие от неё, не деревенской наружности. Джинсы и футболка – казалось бы, кого теперь удивишь этим незамысловатым набором даже в глубинке. Но штаны на нём сидели по-городскому ладно, по фигуре, не висели бесформенными «трубами» с засаленными перегибами у колен. Футболка тоже подчёркивала статью, на груди не было обычных для этих мест надписей типа Montana или University of Kansas. В пальцах его крепких рук совсем не наблюдалось мандража. Он весь был натянут, как тетива готового к выстрелу лука. Меня привлекал его гордо вздёрнутый подбородок, он напоминал мне Спартака из старого кинофильма в исполнении Кирка Дугласа.

– Что сказать? Перегибает супруга моя по всем фронтам. Перед людьми неудобно, честное слово. В суд пошла народ смешить. Прокурора вон вызвали...

– Иван Матвеич, давайте по существу дела.

– По существу... Две трети получки я каждый месяц в дом отдаю. Бригадир Логинов подтвердит, он там, в коридоре, сидит. Не шибко он ко мне расположенный, чтобы в мою пользу дудеть. А треть я и раньше себе забирал – папиросы, рыбалка, с друзьями посидеть, как без этого? Имею право. Мужик я всё-таки. Должны у меня быть свои деньги? А зарабатываю я хорошо, будьте спокойны, – и плотник, и каменщик шестого разряда. Шабашим с бригадой, почитай, круглый год, от клиентов отбоя нет – знать, та-

кое качество даём. Дети сыты, одеты-обуты. В общем, не хуже, чем у других. Двух сынов уж подняли – и дочерей сдюжим, нет в том никакого сомнения.

– Но новые интересы, о которых говорит жена, у вас в последнее время появились?

– Это да, два раза в год уезжаю, что скрывать. А что? Имею право. В городе вон четыре недели отпуска – закон. А мы здесь чем хуже? – с этими словами он очень выразительно посмотрел на меня. – Летом в Европу на рок-фестиваль езжу, на Новый год – в Москву, в Большой театр.

– Давно ездите, Иван Матвеевич?

– Да уж два года как.

– До этого музыкой увлекались?

– Нет.

– Присаживайтесь, Сергеев. Тамара Петровна, вот муж утверждает, что отдаёт вам две трети своего ежемесячного заработка.

– Да врёт он всё! В глаза смеётся, – голос Тамары Петровны повысился от искреннего надрыва. – Уходят деньги налево, рекой текут. Один только штамп в паспорт ему в десять тысяч встал, я документы эти в комодке нашла. Путёвка в Германию в полтора ста тыщ вышла! – она обернулась к людям и сделала многозначительную паузу. – Одежда эта новая, петушиная! Перед людьми ему стыдно, как же! За юнь он вообще ни копейки домой не принёс. Усвистал посередь дела со стройки, бригаду бросил. Так дальше пойдёт – его скоро вообще из бригады турнут.

– Тамара Петровна, вы можете сказать, какую часть зарплаты муж тратит на семейные нужды?

– Младшенькой хотели пальто к зиме купить – не вышло. Старшая компьютер просит – папке нашему опять недосуг, – она вряд ли слышала вопрос, её надрыв сменился тихим речитативом.

– Истица, вы можете изъясняться с судом более понятным языком? Сколько супруг направляет денег на общесемейные цели? Конкретно, в процентах от зарплаты или в рублях.

– Да как цифры ни крути, товарищ судья, а супротив прошлых лет порядком меньше выходит. Нет никакого сравнения.

– Ладно, присаживайтесь, Сергеева. Пристав, пригласите свидетеля Логинова.

Под тяжёлыми сапогами бригадира отозвались половицы, укрытые линолеумом. Не хотелось бы оказаться на пути этого крепкого коренастого мужика в тельняшке и бесформенной брезентовой куртке.

– Представьтесь, свидетель.

– Логинов Алексей Михайлович.

– Кем приходитесь Сергеевым?

– Живём мы в одной деревне, земляки. Иван в моей бригаде работает, бетонщик, каменщик, плотник, кровельщик, всё по высшему, шестому, разряду. Жёны наши, Нина и Тамара, по-соседски приятельствуют.

– Вы можете подтвердить, что Сергеев две трети зарплаты отдаёт семье?

– Как на духу подтверждаю. Я сам им деньги отвожу – так Иван просит. Из рук в руки вот Тамаре и передаю, – бригадир говорил вполголоса, как бы нехотя.

– Сергеева, вы получаете деньги от бригадира Логинова?

– Да неладно с Иваном, товарищ судья! Не сегодня завтра шестой десяток пойдёт – наколку сделал. Это куда, люди добрые, в какие ворота лезет? Раньше райком на них был, а сейчас им хоть кол на голове теши, – платок пришёлся весьма кстати для проступивших слёз.

– Сергеева, отвечайте на вопрос. Вы получаете деньги от Логинова?

– На днях вообще заявил, что фамилию сменит... – это уже больше походило на истерику.

– Сергеева, успокойтесь, пожалуйста... Сядьте. Иван Матвеевич, почему вы не договариваетесь с супругой по поводу дорогих приобретений? По мнению вашей жены, они ставят семью в затруднительное финансовое положение.

– Имею право.

– Суд может вас ограничить в расходовании денежных средств, Сергеев, если...

– Не имеете такого права.

– Сергеев! – молоточек снова оказался в руках судьи. – Я накажу вас за неуважение к суду!

Народ в зале загудел. Сергеев виновато наклонил голову.

– Тишина в зале! Пристав, откройте окно... и раздвиньте все жалюзи.

Света в помещении суда стало немногим больше – второй день, как небо над Немским затянуло серыми пятнами, словно какая-то неумелая хозяйка постирала голубую скатерть вместе с чёрным линяющим трико. С улицы в зал ступила тяжёлая влажность, какая бывает от нежелания затянувших небо туч разродиться дождём. Мой лоб прошибла испарина, захотелось снять китель. От волн строительного шума ломило зубы – за окном с пронзительным визгом резали плитку. Судья тоже болезненно поморщилась и попросила закрыть окно. Пауза затянулась.

– Может быть, у прокурора есть вопросы?

– Да, с вашего позволения, – я хотел казаться максимально солидным и рассудительным. – Свидетель Логинов, как бы вы охарактеризовали поведение Сергеева в последние два года? Что-то в нём изменилось?

– Если уж честь по чести говорить, то есть такое дело. Ты не взыщи, Иван, это мнение бригады. У нас с выпивкой

в коллективе строго – сухой закон, но после сдачи объекта заказчику посидеть с мужиками с устатку, подвести черту стройке – традиция! – Логинов повысил голос. – Так вот, сторониться он нас начал, разговорами нашими брезговать. Да и после смены всё больше один в углу вечерует – наденет свои наушники и глаза закрывает. Ребята этого его пижонства не одобряют.

– Может, у него на то была какая-то причина? Заболел человек или дома что случилось?

– Это уж вам у него самого сподручней спросить.

– Тамара Петровна, может, вы знаете причину перемен мужа?

– А тут и думать нечего, господин прокурор, всё ясней ясного, – она резанула меня своим «господин прокурор» почище болгарки за окном. Интересно было бы узнать у неё, почему это судья ей – товарищ, а я – господин?

– Ну поделитесь с нами, пожалуйста.

– Ходит лощёный, словно утюгом разглаженный, одет колоном по утрам брызгается – чего тут не понять? Видно, бес за ребро нашего папку подцепил, – и она обиженно отвернула голову.

– Сергеев, вы можете пояснить суду причины ваших новых увлечений? Ведь съездить за границу – это не на рыбалку сходить, не пачку папирос купить. Накладно для семейного бюджета получается.

– Нет у меня нужных слов, господин прокурор, чтобы объяснить...

– А вы всё-таки попробуйте начать. Это в ваших же интересах.

– Вам ли не знать, что не на все вопросы бывают ответы, – я уловил в его словах некий вызов.

– Честно говоря, не понял вас, Иван Матвеевич.

– Это же вы приезжали в Немский прошлой весной с комиссией по новой школе?

– Сергеев, вы забываетесь... – снова заработал молоточек судьи.

– Светлана Семёновна, спасибо, всё нормально. Понимаю, что не по процедуре, но позвольте ответить. В город ко мне на приём накладно добираться – путь неблизкий, когда ещё свидимся.

Судья непонимающе покачала головой и развела руками. Наверняка в её голове пронеслось: «Балаган!».

– Да, Сергеев, я приезжал.

– Ну и что, есть ответ на тот наш вопрос? А то мы тут, честно говоря, до сих пор в неведении пребываем.

– Мы свою, прокурорскую, часть давно отработали, дело непростое...

– А нам вот тут кажется, что всё просто. Прямо-таки до неприличия.

– Буду признателен за ваши соображения.

Кадык под его волевым подбородком заходил чаще:

– Чего уж тут мудрёного. Нашей старой кирпичной школе сто лет с гаком, не шелохнётся, а новая пять лет не простояла, фундамент ушёл.

Люди в зале опять загалдели. Он мне определённо нравился своей прямоотой. Я даже поймал себя на мысли, что завидую ему.

– Любите вы здесь загадками говорить, Иван Матвеевич. И, надо признаться, красиво у вас это получается. Только яснее от ваших загадок и намёков не становится. Давайте вернёмся к вашему делу. Вот супруга говорит, что вы фамилию собираетесь менять. Это правда?

– Да, хочу поменять.

– Тоже вопрос без ответа?

– Отчего же, расскажу. Расскажу, потому как не раз ещё придётся по кабинетам пройтись и объясниться. В прошлом столетии по церковным метрикам значились мы не Сергеевыми, а Сергиевыми, в похозяйственную

же книгу после революции фамилию нашу перенесли с ошибкой – покопался тут на досуге в местном архиве. Хочу дедову фамилию носить, восстановить, так сказать, историческую точность. Вот, собственно, и весь сказ.

– У меня больше вопросов нет, Светлана Семёновна.

– Объявляется перерыв на два часа. Истица, соберите цифры в кулак. Столько-то – ваша зарплата, столько-то – мужняя, такие-то, такие-то нецелесообразные покупки. Сделайте расчёт по месяцам, – и опять ударила молотком.

От прошлогоднего пребывания в Немском у меня остались самые приятные воспоминания о местной столовой. Для членов комиссии тогда накрывали столы в районной администрации, но я предпочитал обедать в одиночестве – слишком уж натужными были попытки найти общие темы с другими участниками проверки. Скорее всего, причина подобной несовместимости заключалась в солидной разнице в возрасте. Столовая возводилась в советские времена, с широким размахом тех лет. Каждая из букв названия – «Столовая» – была искусно встроена в массивный металлический ромб с индивидуальной чеканкой и представляла собой самостоятельное произведение социалистического авангарда. Заведение занимало весь второй этаж торгового центра (оказывается, строили торговые центры и при прежней власти). Признаться, меня поначалу смутили обшарпанные подносы с отбитыми краями и величественные барельефы на стенах во славу ударного сельскохозяйственного труда. Поваяло призраком подзабытого уже студенческого общепита. Но внешнее ощущение оказалось обманчивым – всё, что побывало на моём столе, было очень вкусно, я каждый день с удовольствием обедал и по-новому разглядывал барельефы – мне верилось в довольных комбайнёров и трактористов.

Тогда же я узнал вкус местных маринованных маслят. Похрустывал ими и обещал себе, что приеду летом в эти места по грибы. И вот приехал через год с okazji, приехал за день до процесса, чтобы отвести душу в лесу. Уже с утра я сегодня предвкушал обед в любимившейся столовой, но после судебного заседания кусок в горло не лез. Аппетит перебили намёки о школе и едкие «господин прокурор». Не нравился мне и общий настрой судьи.

Вместо обеда я решил прогуляться до злополучной школы. За каких-то пятьсот-шестьсот метров мои ботинки изрядно потяжелели от налипшей грязи. Вдобавок ко мне пристал лопухий беспородный пёс – бежал по пятам до самой школы и громко лаял. Частные деревянные дома с резными от широкой вятской души карнизами и наличниками чередовались со сдержанной архитектурой казённых строений. От безликих каменных кубов магазина и лесничества веяло холодком, несмотря на стоящую духоту. Ухоженные же усадьбы настраивали на иной лад – скамеечки у их аккуратных палисадников приглашали присесть и не спеша полюбоваться немскими теремками вблизи.

Фундамент школы за прошедший год ещё больше ушёл вниз. Картинка усугублялась тем обстоятельством, что здание осело прямо посередине. Плиты-перемычки над оконными проёмами на обоих этажах наклонились друг к другу, как тревожно нахмурившиеся брови. Трещины паутиной расползлись по всей высоте стены, внизу на асфальте валялись выпавшие из кладки серые кирпичи.

С документами при проверке всё было в порядке: экспертиза проекта, лицензии подрядчика, акты скрытых работ, сертификаты на материалы. Чудили, как будто бы тянули время, эксперты – каждый вечер пили пиво и играли в преферанс. Разгорячённые выпивкой, они до полуночи спорили о марках бетона и схеме армирования фунда-

мента, к утру же делались неразговорчивыми и дотошно исследовали грунт.

– Не дают покоя дела минувшие? – рядом со мной неожиданно вырос нескладный долговязый парень лет до тридцати, мой ровесник. Я узнал его – он был среди зрителей в судебном зале – знать, увязался за мной следом.

– Вы что-то хотели?

– Да я спросить хотел. В этом деле ты на стороне Ивана будешь или как?

– Скажем так, слежу за соблюдением его законных прав и интересов.

– Меня Николаем звать, два года назад я работал в логиновской бригаде. От парня одного всё это началось. Пришёл весной в бригаду парень молодой, аккурат это два года назад было. Мы тогда начинали строить большой коровник в Удмуртии, заказчик был денежный, по срокам гнал. Рук не хватало, вот и взял бригадир по рекомендации нового каменщика в коллектив. Разряд у него по бумагам вроде небольшой был, но работал он, я тебе скажу, как бог. Мастерок в его руках такие танцы выплясывал – любо-дорого было посмотреть. Полторы нормы в день он от наших ветеранов давал. В общем, весело работал парень, и всё над нами подтрунивал, мол, без музыки работаете, мужики. Всё предлагал на громкую свои мелодии вывести. Наши мастера ему в ответ: «Молод ещё, салага, пообтешешься жизней, узнаешь, какие марши в ходу». А он – наушники в уши, улыбается и гонит кирпичную кладку по повышенному стандарту. Балкой его придавило. Бригадир ему: «Бойся!», а он... не слышит ведь. Такая вот амба с ним приключилась из-за грубого нарушения техники безопасности. Везли мы его с Иваном в больницу, да не довели. Держался он молодцом, грудь ему сдавило – продохнуть не мог, тяжело так хрипел, но через силу пытался улыбнуться. Му-

зыку его Иван себе забрал. Говорил – на память, а оно она как вышло.

Слова выходили у парня ровным рядом, не под статью его нескладной наружности.

– Что же вы никто ни словом, ни полусловом...

– Да никто ничего и не скажет. Сам должен понимать, нету резону в бригаде эту тему ворошить. Очень уж тяжело тогда для бригадира этот вопрос развивался, статья корячилась.

– А ты-то сам что не скажешь?

– Понимаешь, какое дело... Ивану дальше в бригаде работать, сам же слышал – детей надо подымать. А со стоящей работой у нас в районе тяжело! По себе знаю. Такой вот замкнутый круг нарисовался. Только я так разумею: Ивана нынче ненормальным признать – всё одно что отдушину в горящей печи захлопнуть. Ежели так повернётся, он точно угорит.

Аппетит ко мне не вернулся, идти, кроме суда, было некуда. Четверо рабочих облицовывали здание суда рыжим в чёрную крапинку мрамором. Я наблюдал за их слаженной работой – получалось красиво, старенькое строение на глазах преображалось в новое.

Не сказать чтобы у меня имелись склонности так запросто, по-деревенски, заводить беседы. Я и сам удивился своей лёгкости, слова вылетели сами собой:

– А что, ребята, если уволюсь, возьмёте меня недели через три в бригаду подсобным рабочим? Есть вакансии?

Мужики запереглядывались, заулыбались промеж собой, признали повод достаточным для перекура. Они достали сигареты, присели на ящики с плиткой и стали с интересом меня рассматривать. Видок у меня был так себе. Добрые люди посоветовали пошить прокурорский костюм с запасом, на размер больше. Мол, такова статистика, да и повод одеваться по форме нашему бра-

ту выпадает нечасто – «год проходишь, и будет в самый раз». Вопреки прогнозам вес я не набирал, поэтому пиджак смотрелся как с чужого плеча. Ботинки на мне были хорошие, не казённые, но после хождения по местным тропинкам их блеск заметно потускнел.

– Это как бригадир скажет. А, бригадир? Нужен нам такой работник? – рабочие продолжали лыбиться наперебой.

Бригадир, по всему виду, умудрённый опытом, конкретный мужик, в отличие от остальных не был расположен к пустому веселью. Он серьёзно сдвинул клетчатую шерстяную кепку на коротко стриженный затылок и глубоко затынулся. Только когда густой табачный дым вывалил из его широких ноздрей, морщины на большом вспотевшем лбу расслабились:

– Можно...

– Единственно, я с музыкой привык работать. Как у вас в бригаде с музыкой?

– Чудишь ты, право слово, начальник! – бригадир затушил окурок о подошву кирзового сапога и скомандовал продолжать работу.

Пошёл дождь, и дышать стало совсем легко. Я очистил подошвы ботинок о старую заточенную скобу, наверняка оставшуюся здесь с дедовских времён. Поднялся на свежезабетонированное крыльцо под навес, в животе призывно заурчало. Я с надеждой посмотрел на часы, хотя и так знал, что время поджимало.